Новые Известия. – 2001. – 16 июня. – с. 7.

Их Пушкин

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

ЕЛЕНА ЯМПОЛЬСКАЯ

Так выглядит усадьба Ганнибалов сегодня.

В Пушкиногорском заповеднике почти закончена реконструкция третьей знаменитой усадьбы – Петровского. То есть третья она для тех, чей отсчет вьется спиралью вокруг Пушкина. Мол, в Михайловском он отбывал ссылку, а затем вернулся туда свободным человеком – по любви, и до скорой уже развязки все рвался на утешительные псковские просторы: «Пора, мой друг, пора, покоя сердца просит»... Тригорское, даже когда шагаешь по нему въяве, и гравий шуршит под кроссовками, и комары атакуют в тенистых низинах, все равно кажется картинкой из книжки. Поскольку проживавшие здесь Осиповы-Вульф – не обычное семейство, а целый набор прототипов к «Евгению Онегину». Вот и получается, что Петровское – номер три. Хотя, если следовать исторической справедливости, на самом деле – номер один. Именно с этой вотчины, подаренной в 1742 году императрицей Елизаветой Петровной Абраму Петровичу Ганнибалу, темнокожему пушкинскому прадеду, начиналась славная история современного Пушкиногорья.

Торжественное открытие обновленного Петровского уже состоялось, но работы на усадьбе завершатся лишь к концу года. Впрочем, что считать завершением? И в Михайловском, и в Тригорском – с Петровским наравне – с утра и до заката, без выходных, чистят, разравнивают, метут, стригут, подвязывают, пропалывают, кладут камни... Если в знаменитой повести Довлатова «заповедник» тождествен кунсткамере, то теперь оттенок слова изменился. «Заповедник» равно «оазис». Чтобы не сказать «мираж». Островок европейской цивилизации в северо-западной России. Смешно вспомнить – несколько лет назад нынешнему директору музея Георгию Василевичу пеняли за «чрезмерное» пристрастие к чистоте и порядку. Со временем стало очевидно, что чистота (особенно в условиях родного отечества) сама по себе возвышает душу, а беспорядок имеет художественную ценность только в том случае, если сложился по великому разгильдяйству лично А.С. Пушкина.

Вообще, на мой вкус, люди, которые служат поэту с газонокосилкой в руках, гораздо симпатичнее, чем полуспившийся полуэкскурсовод, поджидающий «дикарей» у ворот Святогорского монастыря: «Пойдемте, милые люди, проведу вас к Пушкину...». В отсутствие клиентов «проводник» точит лясы с киоскершей про «надругательство над национальным интеллектом». Советская власть ухитрилась внушить огромному количеству образованцев, что достаточно зазубрить несколько фактов из биографии Пушкина и можно ничего не делать за приличную зарплату всю оставшуюся жизнь. Ликвидация халявы воспринимается как персональное оскорбление и возводится в ранг национальной катастрофы...

По настенной живописи беседки в Михайловском можно изучать географию посещений. «Мы из Питера!», «Ура – Рязань!», «Танюшка & Мишка – forever. Псков», «Беларусь – сила!», «Привет всем из Риги, 2000», «Коллектив орловских дистрибьюторов, 2001», «Здесь сроднились мы с поэтом. Печоры, интернат», «Здесь была куньинская братва – Лина, Лера, Жанна», «Бей «новых русских», спасай Россию! Честные люди». Честность, конечно, – понятие космополитическое... Харьков, Новгород, Урал, Архангельск, близлежащая Опочка... Почему-то совершенно отсутствуют автографы столичного происхождения: то ли москвичи сюда больше не ездят, то ли от нас к Александру Сергеевичу делегируются самые воспитанные туристы.

На стоянках близ усадеб заметно преобладают автобусы с местными шестидесятыми номерами. Для псковитян турне по заповеднику ограничено одним днем, без ночевки, и они по сему поводу вряд ли расстраиваются: вечерами в Пушкинских Горах, этой очаровательной деревне со статусом райцентра, занять себя решительно нечем. Разве что пойти в кино на американский фильм «Через канализацию». Название, кстати, совсем даже не кощунственное, а, напротив, для заповедника весьма актуальное. В каком-то смысле именно этим путем – через канализацию – шло освоение музейного хозяйства молодым директором. Достаточно сравнить туалеты эпохи Семена Степановича Гейченко – скромные, деревянные, стыдливо укрытые на задворках, и «дворцы», понастроенные Василевичем, – просторные, светлые, стерильно чистые, с изящной плиткой и современной сантехникой. Правда, за пользование всей этой роскошью надо выложить три рубля с носа (или с чего-нибудь другого?), так что народ из псковских экскурсионных автобусов вываливается прежде всего в лесок, а уж оттуда выходит с лицами облегченными и просветленными, демонстрируя полную готовность к восприятию прекрасного...

В прошлом году заповедник принял без малого двести тысяч туристов. Оптимальное число, по расчетам директора, тысяч на пятьдесят больше. Туризм – не единственный, но основной источник, позволяющий приумножать доходы музейных сотрудников. Обычные гости, как мы да вы, блюдя собственные шкурные интересы, заинтересованы в обратном: гулять по усадьбам в гордом одиночестве, не вдыхать заодно с сосновым ароматом ни дешевый парфюм, ни сигаретное зловоние, и наслаждаться общением с Пушкиным тет-а-тет. Подобная лафа вполне достижима по будням – пять дней в неделю Пушкиногорье практически не подает признаков жизни, здесь царят тишина, покой и воля (про последние же два компонента известно, что они заменяют счастье), и лишь в уик-энд активизируются бабушки с цветочками, подтягиваются к рынку колхозники с молоком, дымят по пушкиногорским улицам автобусы, и не хватает вакантных номеров ни в гостинице, ни на турбазе.

Что касается директора заповедника, уик-эндов у него не бывает. В выходные он, как всякий серьезный человек, разгребает завалы второстепенных дел. В частности, беседует с журналистами.

– Ну, хвастайтесь, Георгий Николаевич, – что сделано в Петровском?

– Принципиально отремонтирован барский дом, и планировка в нем изменена – мы вернулись к старой анфиладной системе, которая скорее всего изначально и существовала, – просто по логике раскопанных там печных оснований. Дом появился в конце восемнадцатого века и был выстроен не Абрамом Петровичем Ганнибалом, а его сыном – Петром Абрамовичем. Чудный французский дворик с клумбами практически восстановлен, и когда мы решимся на то, чтобы пожертвовать последними елками, он будет выглядеть примерно так, как должен.

Восстановлены разрушавшаяся уже беседка с видом на озеро и домик Ганнибала – двухъярусный на каменном основании, – это первые сооружения, появившиеся когда-то в усадьбе. Ганнибал провел здесь 129 дней, потом хозяйством заправляла его жена, приезжая сюда с детьми на лето. Сейчас осталось только убрать краску с дверей и с внутренних панелей окон – перестарались наши реставраторы. Принципиально вернулись к старому парковому решению, хотя понятно, что пройдет еще немало времени, пока изменится состав пород. Вообще минимальный срок реставрационных работ в парках – двадцать пять лет.

В Петровском нам удалось то, что мы не смогли сделать ни в Тригорском, ни в Михайловском, – показать, что усадьба, даже мемориальная, – это не мертвое, застывшее явление, что она менялась. В Петровском мы вытянули весь период – от зарождения усадьбы до конца девятнадцатого века, когда усадьба перестала развиваться и началась ее деградация. Поэтому людская изба, скажем, – это просто имитация под конец девятнадцатого века. Мы хотели показать, что если бы жизнь в усадьбе продолжалась, то она неизбежно оказалась бы насыщена разновременными постройками.

Михайловское действительно не допустит прыганья по эпохам. Время здесь замерло, как будто неведомая рука остановила стрелки на небесном циферблате. От земли ввысь уходит прозрачный неколебимый столб, и всякого переступившего его границу начинает бить восторженная дрожь. Михайловское – место не земное, космическое. Поэтому, наверное, и ночевать в гостевом домике Михайловского совершенно невыносимо – постояльцы, как один, свидетельствуют, что прометались до рассвета в тревожном бреду. То ли дело милое, уютное, домашнее Тригорское – вот где спится сладко, как за пазухой... И, кстати, торжественно открытая шестого июня вышка сотового ретранслятора перед пятачком Михайловского оказалась бессильна. Хотя именно Пушкину так идут все современные «примочки»: мобильник, аппаратура HI-FI. Юному бронзовому поэту, возлегающему в саду под яблонями, так и тянет дать в руки ноутбук... Однако не будем перебивать Василевича.

– Мы принципиально не согласны с тем, что русская усадьба уходит сегодня из нашей жизни. Она никогда не станет прежней – да, конечно. Но это часть нашего национального ландшафта, некая соразмерность, тот камертон, по которому настраивается внутренняя гармония, отличающая русскую землю от любой другой, и если мы его потеряем, мы обеднеем так же, как если бы ушла из нашего обихода великая русская литература. Россия долгое время жила на два дома: летом в деревне, зимой в городах. Очень важно, чтобы эта двойственность, эти понятные по математике и по компьютерным делам ноль и единичка, сохранялись, чтобы не было провалов и пустоты.

В Ясной Поляне, в Спасском-Лутовинове, в десятках других усадеб есть надежда просто сохранить соответствие самим себе и создать тот мир, из которого потом будут вырастать очень не похожие деревья, с европейской или американской прививкой, но все равно прививать лучше на то дерево, чьи корни уходят в родную почву. Если хотите, любой приход в усадьбу, где стало меньше веревочек и все больше жизни, есть возвращение к себе домой... Мы перестаем делить историю на куски, опять, как в пушкинские времена, пытаемся собрать ее воедино, охватить взглядом как целое, чтобы увериться, наконец, что ни одно поколение не прожило жизнь свою на этой земле напрасно...

– После отпремевшего пушкинского двухсотлетия добывать деньги, наверное, стало сложнее?

– Конечно. Намного сложнее. Юбилей следует за юбилеем, Пушкин отшумел, теперь впереди Лермонтов. То есть искушений остановить нашу работу много, но мы делаем все, чтобы доказать, что Пушкин, как, впрочем, и Толстой, существует вне юбилеев. Потребности культуры сложно переводимы на язык финансовый, но отвечать им нужно, причем с расчетом не на короткие промежутки, а на стайерскую дистанцию, и не требовать, чтобы вложения производились только в те объекты, которые уже завтра начнут приносить прибыль. Может быть, боулингов у нас тоже не хватает, но не они определяют лицо страны.

Мы пытаемся объяснить, как важно поддерживать пусть минимальный, но непрерывный финансовый поток даже в межюбилейное время. Если остановить работы, не закончив их, тогда и предыдущие вложения оказываются малоэффективными, по существу потерянными.

– Неужели возможна такая идиллия: вы объясняете, а вас слушают и понимают?

– У нас есть специалисты, которые грамотно делают документацию. А еще существует глубинное душевное отношение к Пушкину, как к очень важной составляющей российской жизни, – отсюда понимание и в министерстве культуры, и в Думе, и в правительстве.

– По темпам и объемам проводимых работ ваш музей в сегодняшней России уникален. Это объясняется необычайным даром убеждения?

– На самом деле тут творится что-то совершенно пушкинское. Он никогда ни в какие рамки не укладывался, и ни в какие рамки не укладывается все, что происходит здесь. Доля везения, доля труда и, может быть, происки самого Пушкина. Хочется верить, что существует связь поколений не только здесь, но и за пределами этой короткой жизни. В какой-то мере, конечно, Божья помощь – без нее с места не сдвинулись бы. И просто здесь больше концентрация людей, которые понимают, что они делают.

– И как же эти задачи формулируются?

– Мы хотим удержать своего Пушкина. Не играть в него, а попытаться понять, что уже невыносимо сложно. Ведь комментарии к Пушкину могут быть не только литературными. Он жил в этих местах и оставил после себя среду, в которой стихи, здесь созданные, лучше всего напоминают о нем самом. Войти в его дом, в его мир, в то пространство, где он находился и до сих пор находится и будет находиться впредь, пока мы сами ради него готовы делать что-то серьезное.

– А идея промышленного освоения этих земель – все-таки под заповедником десять тысяч гектаров – вами пока оставлена?

– Идея осталась и будет сопровождать нас по жизни столько, сколько мы будем работать. Другое дело, что эту часть сдвинуть с мертвой точки нам пока не удается. Мед едим, как лекарство, не продаем... Фантазии остаются фантазиями, но мы от них не отказываемся. Хочется нам завести фермы, где люди будут пить молоко. Хочется расширить сеть питания. Пирожки продавать на усадьбах. Надеюсь, лошадей заведем к осени.

В Бугрово планируется действующая мельница, местное население уже оживилось, готово принимать заказы на пшеницу. Правда, возник целый ряд инженерных проблем – забыли, как строить мельницы.

И еще мы хотим несколько изменить профиль туризма в сторону научного. Чтобы здесь проживали часть своей жизни – и научной, и человеческой – профессора, аспиранты, студенты. Такой «русский Оксфорд». И обеспечить пусть недолгую стажировку каждого работника музея в Европе.

Начиная с 1996 года через Пушкинский заповедник прошли пять тысяч профессионалов тридцати различных специальностей. А самое уязвимое место – по-прежнему гиды. И наскоро обученные девочки, и старшие их коллеги старательно, но бесцветно бубнят заученный раз и навсегда скучный текст, пасуя перед внеплановым любопытством. Так, на моих глазах дама экскурсовод не могла ответить на вопрос: «Когда умерла няня евойная, Ирина Родионовна?», заданный озабоченным пацаном. Русский язык служителей пушкинского культа тоже отнюдь не безупречен. Опять-таки своими ушами слышала про «сидячий портрет Сергея Львовича Пушкина»... В общем, студентам и профессорам пока лучше знакомиться с музеем самостоятельно.

– Теперь у директора нет больше проблем с оппозиционно настроенными сотрудниками?

– Если проблем не окажется вовсе, значит наш заповедник исчез с карты... Но можно считать, что радикальной оппозиции уже не существует. Слава Богу, мы перешли от идейных споров на тему «кто больше любит Пушкина» к обсуждению конкретных проблем, и это намного легче, потому что спор предметный. Поначалу действительно на пальцах приходилось объяснять, что надо лечить парки, заменить одну постройку другой, поскольку она не соответствует времени и должна выглядеть иначе. Возникала масса вопросов: стоит ли трогать то, что уже существует, не получится ли хуже, если мы уберем старое и сделаем новое, не оскорбим ли мы память Семена Степановича Гейченко...

– Помню, хранитель Петровского Борис Михайлович Козмин грозился, что только лишь через собственный труп допустит реконструкцию усадьбы...

– Да, и меня очень радует, что в своих последних интервью Борис Михайлович говорит о новом дыхании, которое открылось у Петровского после реставрации... В музее, как и в театре, и в кино, и в любой творческой сфере, с бездарными людьми работать не хочется, а с талантливыми тяжело, поскольку каждый непременно хочет быть первым. От этого никуда не уйти, но мы постепенно все вместе учимся пониманию, что музей – дело коллективное. Надо, чтобы в заповеднике выросло поколение людей, которое застало не ссоры и разногласия, а общее взаимопонимание. Нынче наступает тот момент, когда как раз и можно этим заняться.

– А ваши отношения с местными властями?

– Одновременно и очень хорошие, и почти безнадежные. Нас во всем поддерживают, но примерно на таком уровне: «Они делают важное дело, мы в нем ничего не понимаем, поэтому не вмешиваемся». Нам бы хотелось, чтобы не один музей хлопотал, скажем, о проведении газа в Пушкинские Горы. В Думе удивляются: «А почему вы с этим обращаетесь, а не ваше областное начальство, не губернатор?»

Хотелось бы большей активности, причем активности, направленной на жизнь людей за пределами заповедника. Мы пытаемся объяснить, что надо вкладывать деньги в жизнь вокруг музея, потому что намечается слишком очевидный перекос, и он принесет с собой массу новых проблем.

Ну и, кроме того, существует некоторая легкая конкуренция, когда людей тянет отчитаться тем, что сделал музей, как главным достижением администрации области, но это понятно, и мы спокойно к этому относимся, с юмором. В принципе, дело у нас общее, и делиться им всегда приятно.

ГЕННАДИЙ ХАМЕЛЬЯНИН

Бывший преподаватель политэкономии Георгий Василевич.

Туристу на заметку

Пушкиногорье – идеальный маршрут для автомобильного туризма. Менее семисот километров по очень хорошим дорогам: основная часть пути – по «девятке», рижской магистрали, остальное – по трассе Петербург–Киев. Единственное, к чему следует подготовиться морально и материально, – гаишники Псковской области славятся своей лютостью. Приклонить голову в Пушкинских Горах можно в гостинице и на турбазе. Обычный двухместный номер (телевизор, горячая вода) – 150 рублей в сутки. Охраняемая парковка – 35 рублей в сутки. Цены в магазинах московские. Билеты во все музеи (включая экскурсионное обслуживание) – не дороже тридцатника.

Пушкин и деньги

Заповедник «Михайловское» входит в первую тридцатку самых богатых музеев России, но список этот не возглавляет. Финансирование полностью федеральное.

Реставрация каждой из трех усадеб обошлась государству в 50 миллионов рублей.

Ежегодное текущее содержание музеев (уход, заработная плата, техническое переоснащение, охрана) – 40–60 миллионов рублей. С появлением Бугрово на все четыре усадьбы понадобится 60–70 миллионов рублей в год.

Заработки самого музея составляют примерно седьмую-восьмую часть этой суммы.

Заповедник занимает десятую часть Пушкиногорского района. Четвертая часть районного бюджета складывается из налоговых поступлений музея.

Московское бюро ЮНЕСКО выделило в 98-м году 25 тысяч долларов на приобретение техники и создание рекламного фильма. $ 100 тысяч в компьютеризацию музея, создание сайта в Интернете и издание двуязычного путеводителя вложил Фонд Сороса. Американская ассоциация «Пушкинское наследие», которую возглавляет потомок поэта Кеннетт Пушкин, – $ 12000. «Сургутнефтегаз» – 20 тысяч долларов на прошлогодний Праздник поэзии.

Георгий Василевич: «Я считаю, что совершенно неоценимую поддержку оказывают нам средства массовой информации. Благодаря публикациям – и вашим, и ваших коллег, нам значительно проще объяснять нашу позицию по целому ряду вопросов. Идеи уже на слуху. Эта не деньгами выражаемая помощь дороже всяких финансовых вложений».

Директор

Георгий Василевич получает 8000 рублей в месяц. Плюс двойной оклад перед отпуском. Если итоги утешительны, такая же премия в конце года. Для сравнения: средняя зарплата в музее – 900 рублей, у научного работника со стажем – в пределах 3000.

Хранители всех усадеб живут в однотипных комфортабельных домах. Точно такой же и у Василевича. Дома принадлежат заповеднику.

Собственная недвижимость Василевича – двухкомнатная квартира в Пушкинских Горах. Продать ее можно максимум за пару тысяч долларов.

Служебный водитель и две казенные машины – «Волга» и «Нива».

Последнее время на работу приходит «поздно» – в полдевятого. И примерно часов в десять вечера рабочий день заканчивается. Две недели в месяц – командировки.

Отпуск семья Василевича проводит либо в Питере, либо на российском юге.

Двое сыновей. Старший – Дмитрий – студент в Минске. Компьютерщик. Младшему, Артемию, 12 лет, он ходит в пушкиногорскую школу и проявляет устойчивый интерес к лошадям.

Георгий Василевич: «Мне бы очень хотелось, чтобы мое увлечение было частью увлечений моих детей. Но станет ли это профессией или просто позволит нам лучше понимать друг друга... Второе, может быть, гораздо важнее. Где и как они состоятся, предугадывать бессмысленно. И рядом со мной и после меня работать в музее им было бы намного сложнее, чем сегодня мне, – слишком много сил пришлось бы тратить на то, чтобы доказать, что ты значим помимо твоего отца. Это худший вариант развития ситуации, и я на нем настаивать не буду».